

Безымянные беглецы

Его величество закон в равной степени запрещает как богатым, так и бедным, спать под мостами, побираться на улицах и воровать хлеб.

Анатолий Франс

Алайский рынок – чрево Ташкента, город в городе, его достопримечательность и визитная карточка, работает с 9 утра до 8 вечера без перерывов и выходных. Здесь можно найти и купить все и встретить всех, кто живет в 2-х миллионном Ташкенте, или просто приехал погостить. Январь в Ташкенте напоминает раннюю весну в Москве или первые летние дни в Иркутске. Солнце отражалось в редких лужах растаявшего снега, и толпы людей, шествующих на Алайский рынок, были еще не многочисленны в эти утренние часы.

Николай Куропаткин увидел Михаила Семеновича, когда тот заказывал себе шашлык в пивном баре, куда Куропаткин устроился работать. Он сразу узнал руководителя испытаний, заместителя Генерального конструктора ракеты МСГ-100, хотя тот был небрит, в помятом костюме, с портфелем, который очень комично выглядел на ташкентском рынке. Испытания проходили полтора года назад на той же установке под Иркутском, но тогда зам. Генерального имел не такой затравленный вид, а давал указания самоуверенно и жестко. Превращение того Михаила Семеновича в этого покупателя шашлыка сразу выдало Николаю собрата по несчастью, так что он смело решил подойти и заговорить с ним. Проголодавшийся зам. генерального конструктора ракеты МСГ-100 только приступил ко второму шампуру, когда ответственный за пульт управления Николай Куропаткин, замаскированный окладистой рыжеватой бородой и нестриженными усами, подошел к столику, за которым стоял Михаил.

- Еще шашлык и кружку пива за счет предприятия? – предложил Николай, привычным движением вытирая край стола изнанкой фартука.

Мишка пугливо посмотрел на официанта шашлычной, немного похожего на узбека, благодаря скуластому лицу с приплюснутым носом и рыжей бороде, и, не заподозрил нем агента КГБ, несмотря на его явно военную выправку.

- Можно. Я тебя где-то видел. Ты не учился в 254-й школе в Москве?

- Не учился. Я Вас видел на Байкальском ракетном полигоне ПВО во время испытаний.

- Ошибаешься, - на всякий случай подстраховался Михаил. – Я работал продавцом в магазине «Ткани» на Сретенке.

- Пусть так, - согласился Николай. Он отошел к мангалу, принес 4 шампура и 2 бокала пива. – Я бы тоже мог сказать, что торговал в Иркутске мороженым. Но, похоже, судя по Вашему виду, у нас с Вами одни и те же проблемы.

- Похоже. А на самом деле, кто Вы такой?

- Я теперь никто, человек без паспорта, как Паниковский из «Золотого теленка». Был капитаном, дежурившим на пусковой установке МСГ-100, сбил ракетой НЛЮ. Чтобы не разглашать это, меня решили уничтожить. Но по ошибке я остался жив и сбежал. Паспорт себе я купил здесь, на рынке, но он какой-то не

такой. Для России не подходит, так что надо перебираться куда-нибудь подальше. Вас я ни о чем не спрашиваю. Что хотите, то и говорите.

- Мне тоже надо перебираться подальше. Рад познакомиться. Михаил, - Мишка протянул Николаю руку, предварительно обтерев ее лежавшей на столе грязноватой бумажкой.

- Николай, - ответил бывший капитан, вытерев руку фартуком. – Не могу даже назвать Вас товарищем по несчастью: чем с большей высоты человек слетает, тем больнее падать. Попробую Вам помочь, если не побрезгуете этим заведением. Но это временно.

Эта встреча была большой удачей для обоих мужчин, выкинутых из «системы» на обочину жизни, искавших единственно возможный выход из своего положения в побеге из страны.

Хозяином шашлычной был пожилой покладистый узбек Садриддин, обремененный огромной семьей, фактически из трех жен, 12 детей, и еще какого-то количества зятьев, внуков, и двух правнуков, которыми он особенно гордился. Семья узбека жила в нескольких домах. У Николая была там своя комнатенка, куда он привел и Михаила. Узбек принял вновь прибывшего русского подсобным рабочим в шашлычную; в его обязанности входили доставка и маринование мяса, мытье посуды и тому подобное.

К переходу границы бывшие ракетчики готовились тщательно и долго. Достали карты, описание местности, купили на рынке фальшивые паспорта, пистолет для бывшего капитана, спортивные костюмы и обувь. Ждали, когда в горах откроются перевалы. Доброго узбека заранее предупредили, что с 1 мая уезжают на месяц в отпуск.

Но 30-го апреля за Михаилом пришли трое русских военных в штатском, очень вежливо пригласили с вещами в машину и увезли, не обратив никакого внимания на трухнувшего Николая.

Михаила привезли на военный аэродром к большому самолету, в котором было всего 4 пассажира – Михаил и трое неизменно вежливых «искусствоведов в штатском». Попытки узнать у них, куда и зачем его везут, ни к чему не привели: отвечали так, как будто сами ничего не знают. Наручников на него не надели, но это ничего не значило. Михаил решил, что помимо утраты секретных тетрадей, ему шьют дело о шпионаже, продаже государственных секретов или еще что-то в этом роде, поскольку с ним обращались как с крупным международным агентом. Он не знал, что и подумать: то ли будет судебный процесс целой «шпионской сети», то ли его хотят обменять, как Быховского, на нашего агента, или Березовского, или просто расстрелять.

С аэродрома в Москве его привезли в домик на Самотечной улице, огороженный глухим забором, где представили двум охранникам, Петру Петровичу и Владимиру Владимировичу, назвав их «порученцами».